

В.Д. ПЛАХОВ

 КАРО

ГЕРОИ И ГЕРОИЗМ

**ОПЫТ СОВРЕМЕННОГО ОСМЫСЛЕНИЯ
ВЕКОВОЙ ПРОБЛЕМЫ**

**ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ
ВЗГЛЯД**

Владимир Дмитриевич Плахов
Герои и героизм. Опыт
современного осмысления
вековой проблемы
Серия «Психологический взгляд»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=35968935

Герои и героизм. Опыт современного осмысления вековой проблемы:

Монография: Каро; СПб.; 2008

ISBN 978-5-9925-0224-4

Аннотация

В книге героизм впервые рассматривается как положительное отклонение в социальном поведении. Проанализировав классические источники (работы Ницше, Карлейля, Зомбарта, Михайловского, Плеханова, Булгакова и др.), автор в соответствии с новейшими достижениями в области философии, а также социологии и психологии связывает феномен героизма с особенностями и закономерностями культурно-исторических систем, уделяя при этом отдельное внимание политическим аспектам проблемы, сохраняющей свою актуальность на протяжении веков. Данное издание адресовано широким читательским кругам, но особенный интерес оно

вызовет у философов, культурологов, социологов, психологов, политологов, историков, филологов и журналистов.

Содержание

Предисловие	6
Героизм как социокультурный феномен	9
Тема героя в научной литературе	14
Герой: социальный статус и семантический статус	17
Четыре рода героизма. Героическая мифология.	30
Типы мифологических героев	
Реальные герои в эпоху цивилизации. Героизм и нравственность	37
Героический этос. Бунт как вызов «норме».	41
Феномен антигероя	
Конец ознакомительного фрагмента.	44

**Владимир
Дмитриевич Плахов
Герои и героизм. Опыт
современного осмысления
вековой проблемы**

© Плахов В. Д., 2008

© «КАРО», 2008

Посвящается внучке Ксеничке

Предисловие

Героизм, если говорить на языке классика социологической науки Э. Дюркгейма, есть «социальный факт». Поэтому его исследование должно основываться на признании следующих положений.

Во-первых, героизм – это объективно существующий и проявляющийся феномен общественной жизни.

Во-вторых, в конкретных исторических условиях и культурных системах с их специфическими особенностями он наполняется содержанием, нераздельно связанным с хроно-топической картиной социальной действительности. Героизм – принципиально социокультурный феномен.

В-третьих, феноменологическое бытие героизма предопределено не только объективными, но и субъективными факторами, из чего следует его опять же принципиальная обусловленность человеческими (антропологическими) данными – физическими, психическими и когнитивными (рационально-рассудочными). Поэтому очевидно, что научный анализ героизма как социокультурного феномена необходимо вести на двух системных уровнях: социумном и индивидуально-личностном. Такой подход, собственно, и является авторской заявкой при разработке темы, обозначенной в заглавии данной книги. В целом же подход автора к феномену «героизм» должен быть отнесен к области культурологи-

ческой феноменологии. И здесь требуется сделать необходимые пояснения.

Следует различать «культуру» как абстрактное научное понятие и как реальное проявление общественной жизни. Как реальность культура представляет собой сложное системное феноменологическое образование, которое является предметом изучения науки культурологии и ее неперемного раздела – культурологической компаративистики. Обращая внимание на это важное в социально-мировоззренческом и методологическом отношениях обстоятельство, приходится с сожалением констатировать весьма ощутимый недостаток научных исследований в данной области. Поэтому предлагаемую читателю книгу следует рассматривать не только как опыт современного осмысления социокультурной проблемы, остающейся актуальной на протяжении веков, но и как первый шаг в разработке отдельной научной дисциплины – культурологической феноменологии.

Обратим внимание читателей еще на одно существенное обстоятельство. Изучение героизма как социокультурного феномена с присущими ему закономерностями, требующими самого серьезного и глубокого анализа, становится в высшей степени актуальным в современных условиях тотального распространения массовой культуры.

Высказывая свою точку зрения по поводу героического начала в судьбе человечества, в истории социума, автор надеется вызвать научную дискуссию, которая, возможно, поз-

волит найти близкие к истине ответы на два весьма злободневных вопроса. Один из них касается природы героизма и возможности ее изменения в эпоху масскульта. Другой вопрос, как сказал бы Н. Бердяев, inferнальный: существует ли опасность полного исчезновения героической культуры в будущем обществе?

Герои́зм как социокультурный феномен

Один из наиболее известных исследователей феномена «герои́зм» английский философ, писатель Т. Карлейль в книге, получившей мировое признание «Герои, почитание героев и героическое в истории», пишет, что «общество основано на героях». И далее продолжает: «Почитание героев будет существовать вечно, пока будет существовать человек»¹. При такой постановке вопроса тем более удивительным покажется факт почти полного равнодушия к теме «герои́зма» со стороны современных социологов. И это при том, что «герой», «герои́зм» суть категории социологические. Для нас герои́зм интересен прежде всего тем, что представляет собой положительное отклонение от средне-статистического социокультурного типа человека, то есть человека нормального, точнее, такового образа, сложившегося и получившего массовое распространение в общественном сознании. С. Булгаков прямо пишет, что герой – своего рода сверхчеловек. Крупный французский историк, литературный критик И. Тэн указывает на то, что герои́зм – крайность. Герои́зм представляется отклонением от социокультурной нормы не только в статистическом, но и в содержа-

¹ Карлейль Т. Теперь и прежде. – М., 1994. – С. 14, 16.

тельном плане. Современный отечественный исследователь Т. А. Апинян подчеркивает, что герой – особый человеческий тип: «не как все».

В своих лекциях по эстетике, а также в философии права Гегель дает несколько определений героя и героического, суть которых сводится немецким философом к особому индивидуальному проявлению воли и сознания, причем главным условием такого проявления выступает свобода. Гегель указывает на важнейший признак героизма – всеобщее значение. Иначе говоря, действия индивида квалифицируются как героические только обществом и только в том случае, если они несут с собой определенное благо. Очевидно, что героизм имеет двойственную природу: социо-онтологическую (антропологическую) – напомним, что сам по себе поступок есть бихевиальный феномен и, соответственно, категория «поступок» есть категория антропологической бихевиологии – и аксиологическую, оценочно-ценностную. Поступок, действия субъекта обретают социетальный, то есть системный, социосистемный, статус и семантический статус «героических» исключительно с санкции общества (социума). Отсюда следует еще один важный вывод.

Герой, точнее его образ, понятия героизма и героического формируются в контексте культуры. Таков общесоциологический закон. Его можно назвать законом адекватности, имея в виду, что в каждой культурной системе семантика героизма, героического поступка, героического поведения

утверждается либо спонтанно, естественно, либо декларативно, законодательным путем, а чаще всего и, как правило, одновременно – спонтанно и декларативно. Эта семантика заключает в себе меру, отражающую определенное социальное отношение к человеческой личности и ее поведению. Каждую культуру, кроме того, отличает только ей свойственный пантеон героев. Обращает на себя внимание и являющаяся достоянием каждой культуры иерархия героев и героизма, причем не только содержательная, но и ценностная (оценочная).

Нельзя не указать, наконец, и на такие факты, как доминирование определенного типа героя в качестве одного из средств (в ряду других) репрезентации культурной системы, причем этот доминирующий тип героической личности обычно ковариантен доминирующему этносу, а также вписанность героического поведения, героизма в доминирующий этос. Например, в средневековой Европе утверждается рыцарский героический этос. В фашистской Германии – фашистский этос со свойственными ему героическими образцами индивидуального и группового поведения.

Прежде чем рассматривать все эти положения более обстоятельно, отметим, что имманентным системным механизмом утверждения в каждой культуре адекватного ей героического этоса служит традиция. Но вместе с тем здесь важную роль играет и позитивное право (указы, уложения, законы, принятые официальной властью, и т. д.), а также ка-

ноническое право (сакральный канон).

Сформировавшийся в культурной системе и адекватный ей героический образ личности и личностного поведения органично связан с ценностными ориентирами, нравственными установками, особенностями социальной психологии, которые вместе с другими системными составляющими образуют объективную основу героизма как социокультурного образования. Далее мы специально рассмотрим наиболее важные для нас вопросы связи и соотношенности феномена героизма и культурных систем. Здесь же отметим, что сравнительно-историческое изучение социальной действительности с точки зрения ее героики представляет собой серьезную научную задачу, в решении которой видное место принадлежит социологии. Поэтому мы не можем пройти мимо публикаций В. Зомбарта, следом за Ф. Ницше уделявшего теме героического, можно уверенно сказать, совершенно исключительное внимание, а в контексте наших рассуждений убедительно свидетельствующего не только об актуальности этой темы, но и воистину о ее вечной значимости, о чем, собственно, уже было сказано выше.

В работе «Торгаши и герои. Раздумья патриота» В. Зомбарт разводит английский и немецкий этносы, что весьма примечательно, по этосу, хотя сам Зомбарт употребляет по вполне понятным причинам термин «дух»: один (английский) – «торгашеский», другой (немецкий) – «героический». И вот что, в частности, пишет немецкий социолог: «Торгаши и

герой – они образуют два великих тезиса, как бы два полюса ориентации человека на Земле. Торгаш... подходит к жизни с вопросом: что ты, жизнь, можешь мне дать? Он хочет брать, хочет за счет по возможности наименьшего действия со своей стороны выменять для себя по возможности больше, хочет заключить с жизнью приносящую выгоду сделку; это означает, что он беден. Герой вступает в жизнь с вопросом: жизнь, что я могу дать тебе? Он хочет дарить, хочет себя растратить, пожертвовать собой – без какого-либо ответного дара; это означает, что он богат. Торгаш говорит только о „правах“, герой – только о лежащем на нем долге; и даже выполнив все свои обязанности, он все еще чувствует в себе склонность отдавать»². Не будем сейчас заниматься содержательной оценкой этого высказывания, далеко не избавленного от идеологического настроения его автора. Нам в данном случае важно убедиться в том, что феномен героизма имеет сугубо социальную, а точнее, глубоко социокультурную природу, анализ которой и будет занимать нас в дальнейшем.

² Зомбарт В. Собр. соч.: В 3 т. Т. II. – СПб., 2005. – С. 52. \\Здесь интересно привести высказывание дважды Героя Советского Союза маршала А. М. Малиновского в его интервью корреспонденту газеты «Комсомольская правда» В. Пескову в 1975 г.: «Молодым людям я должен сказать о главной ценности в человеческой жизни. Родина – главное наше богатство. Цените и берегите это богатство. Думайте не о том, что может дать Родина вам. Думайте о том, что можете вы дать Родине. В этом главный ключ к хорошо осмысленной жизни». Российская газета. – 2008. – № 98 (4655). – С. 21.

Тема героя в научной литературе

Феномену героизма, его происхождению, генезису посвящен ряд исследований, в основе которых лежат различные подходы к рассмотрению проблемы. Среди таких подходов можно выделить мифологический, социологический и философский. В первой группе исследований (мифологической) нельзя не указать работы З. Фрейда, К. Юнга, О. Ранка, Дж. Кэмпбелла, М. Элиаде, Е. Мелетинского, В. Менжулина. К примеру, Фрейд связывал понятие «героический миф» с мифическими представлениями о рождении героя. Юнг в своих многочисленных работах распространяет эти представления уже на акты смерти и возрождения. Согласно его концепции, в героическом мифе в своеобразной форме воплощается идея вечности, бессмертия. Отечественный исследователь Е. Мелетинский, касаясь проблемы классификации мифологических героев, считает, что наиболее древними являются герои, воплощающие идею творения. Они же в свою очередь подразделяются на «первопредков» (прародителей родов и племен, мифические образы, моделирующие родовую общину), «культурных героев» (создающих для людей необходимые жизненные условия: огонь, культурные растения и т. д.), «героев-демиургов» (создателей орудий труда, борцов-богатырей), «героев-духов» (покровителей и защитников человека). Вопрос о творении (сотворе-

нии), созидании был и навечно остался главным и древнейшим вопросом, который, так сказать, «мучает» человечество с самых первых дней его существования. Поэтому в последующем мифологический герой-демиург постепенно эволюционирует в первообраз бога-творца (первопричины всего сущего).

Среди ученых-социологов и политических деятелей, обращавшихся тем или иным образом к теме героя и героического, значатся имена К. Маркса, П. Лафарга, А. Рено, В. И. Ленина, Г. В. Плеханова, П. Л. Лаврова, П. Н. Ткачева, И. В. Михайловского, С. Н. Булгакова. У нас еще будет возможность рассмотреть наиболее интересные вопросы, оказавшиеся в поле внимания этих и других авторов. Сейчас же, выделяя как относительно самостоятельный, социологический подход к проблеме героя и героического, подчеркнем ее особое значение для России, о чем свидетельствуют работы многих видных русских публицистов, писателей, историков, политиков. Причем одни из них, например Н. Бердяев, объясняют остроту проблемы героя и героического в условиях российской действительности характерным для нее, российской действительности, драматизмом самой жизни и полицейским засилием. Другие, главным образом идеологи народничества (Лавров, Ткачев, Михайловский и др.), – необходимостью революционной борьбы с самодержавием и особой миссией в ней героев. Представители марксистской социологии (Плеханов, Ленин и др.), отнюдь не отрицая зна-

чения индивидуального героизма, обращаются к теоретической и практической разработке проблемы массового героизма как средства построения нового общества и его защиты (Сталин) от внутренних и внешних врагов.

Теперь надо заметить, что разделение исследований сложного комплекса вопросов о происхождении и природе феномена героизма на мифологические и социологические в ряде случаев чрезвычайно условно, ибо они, эти исследования, по целому ряду пунктов органично связаны. Достаточно четко такая связь обнаруживается при философском анализе, который можно встретить в трудах Дж. Вико, Дж. Бруно, Ф. Ницше, М. Хайдеггера. Об этих и других философах мы еще вспомним по вполне обоснованным поводам.

Герой: социальный статус и семантический статус

Мы уже отмечали, что герой с точки зрения социологической теории означает определенный социальный статус, который в свою очередь связан с системной организацией, и именно иерархической организацией общества (социума). Такая иерархическая организация необходимо присуща каждому обществу. В известном смысле она неизбежна и неустранима, но конкретно в каждом социуме она обретает непременно культурные формы. Другими словами, в конкретных исторических и культурных условиях иерархическая организация общества нередко проявляется весьма своеобразно. В данной работе мы не ставим своей задачей анализ подобных проявлений, поскольку это тема особого исследования. Если же говорить в общих чертах, то герой занимает в системной иерархической организации общества свое определенное место, которое выражается в современной науке, современной социологии понятием социального статуса. Герой – это прежде всего социальный статус, это социальный статус личности, это место личности в общественной системе, ее положение в социальной организации, отражающее определенное отношение к ней, героической личности, членов общества: возвеличивание, поклонение, почита-

ние, восхищение, подражание и т. д.

Высказав это первое по важности, исходное во всех наших дальнейших рассуждениях положение, добавим: героизм это статус, который уже в условиях конкретных культурных систем, цивилизаций обретает различные адекватные этим системам образы, означивание и опять же ковариантный конкретной культурной системе и исторической эпохе смысл. Так, в условиях русской культуры мы имеем дело с хорошо известной семиотической и семантической системой «герой», которая, однако, наполняется далеко не однозначным смыслом не только в процессе исторического развития русского общества, но и в разных социальных группах, классах, общественных объединениях. При всем этом «герой» остается именно русским обозначением социального и, следовательно, системного статуса личности. В других языках этот статус имеет уже иное знаковое выражение, а именно: в немецком – *Held*, в английском – *hero*, во французском – *heros*, в чешском – *hrdina*, в древнегреческом – *ἥρως*, в латинском – *herois*.

Установив, что «герой» (*Held*, *hero*, *heros* и т. д.) – это лингвистическая (лексическая) конструкция, используемая для метки социального статуса личности (индивида) в иерархической системе, иерархической организации общества, подчеркнем, что таким образом помечается, метится (в общественном сознании) место сравнительно высокого уровня, или ранга, хотя в литературе достаточно часто встреча-

ется феномен лингвистического тропа, когда какой-нибудь термин, а в нашем случае термин «герой», наполняется особым (дополнительным), нередко противоположным смыслом. Достаточно вспомнить роман М. Ю. Лермонтова «Герой нашего времени» или распространенное в быту, а также в художественной и публицистической литературе употребление понятия «герой» в ироническом и даже в отрицательном значении.

Однако во всех случаях лексема «герой» выполняет функцию гносеологического и семантического выделения человека, индивида из общей массы, из остальной группы людей как чего-то особого, необычного, исключительного, а вместе с тем и функцию социальной ориентации, и именно ориентации в социальной организации, социуме, по принципу «кто есть кто» (who is who)³.

Поскольку в дальнейшем героизм будет занимать нас в связи с интересующими и решаемыми проблемами как модус положительного отклонения, мы должны договориться о смысле, который будем вкладывать в этот, подчеркнем, научный термин. А смысл этот, концепт, достаточно точно передан Н. Е. Яценко: герой – это «выдающийся своей храбростью, доблестью, самоотверженностью человек, соверша-

³ Э. Бенвенист подробно воспроизводит этимологию греческого, как он пишет, «*geras*», в основе которой лежат понятия о почести. См.: *Бенвенист Э. Словарь индоевропейских социальных терминов.* – М., 1995. – С. 269–276.

ющий подвиг во имя счастья людей»⁴, то есть герой является субъектом героического поведения. Именно такое поведение, иными словами героизм, служит основанием наречения субъекта «героем». Можно сказать еще и так: с точки зрения реального социального бытия индивид обретает (заслуживает) социальный статус героя только при условии героического поведения. Героизм в данном случае выступает как качествообразующий фактор.

Итак, герой – это индивидуально-личностный социальный статус, обретение которого обусловлено героическим поведением, героической деятельностью, героическим поступком, одним словом, героизмом, как обычно представляется вся ситуация в реальной действительности. Но герой – это не только социальный статус, это еще и социальная роль, содержание и особенности которой мы рассмотрим отдельно. Сейчас же сделаем особый акцент на сугубо социальном, общественном характере героической роли, то есть роли, проигрываемой субъектом-героем. Ее сценарий ковариантен конкретной социокультурной системе. Другими словами, эта роль не придумывается самим субъектом (героем), она формируется содержательно как органичный элемент реальной социокультурной системы и «предзадана» субъекту. И все дело в том, будет ли вообще проиграна эта социальная роль, роль героя, и как она будет проиграна тем или иным инди-

⁴ Яценко Н. Е. Толковый словарь обществоведческих терминов. – СПб., 1999. – С. 80.

видом. Стало быть, сформировавшийся в данной культурно-исторической системе героический сценарий (сценарий героического поведения, героического поступка, сценарий героизма) должен храниться в социальной памяти, и при определенных обстоятельствах у индивида должна быть возможность его, этот сценарий, актуализировать в своем поведении. В этом, собственно, и заключается проигрывание социальной роли вообще и социальной роли героя в частности. Подчеркнем еще раз, что для этого должны существовать, во-первых, реальные социальные условия и, во-вторых, индивидуальные, личные (психические, интеллектуальные и физические) способности.

Теперь нам предстоит сформулировать еще одно очень важное положение. Интересующая нас знаковая конструкция, которая служит для обозначения социального статуса и социальной роли субъекта, включает смысл, подчеркнем в очередной раз, ковариантный конкретной культурно-исторической системе. Следовательно, речь идет о том, что «герой» (*held, hero, heros* и т. д.) – это понятие (концепт). Содержание этого понятия обусловлено культурными и историческими и в целом социальными закономерностями и особенностями реальной общественной системы. Иными словами, мы встречаемся здесь с феноменом «семантического статуса», суть которого кратко может быть передана так: это сформированное, принятое, закрепленное, узаконенное, легитимированное в данной социокультурной системе понятие. Та-

кая природа семантического статуса героя может быть рассмотрена на материалах античной культуры.

Литературные памятники (мифы, эпос, легенды, поэмы), мусические искусства, скульптурные и изобразительные произведения, философские трактаты и в целом дискурс сформировали и утвердили в сознании древних греков известные представления о герое и героическом, то есть вполне определенное с точки зрения содержания понятие, выполняющее метрическую функцию человеческого поведения, или, говоря иначе, функцию оценки последнего по принятому (легитимированному) критерию. Уже в «Илиаде» Гомера тема героизма разрабатывается (разумеется, неосознанно самим автором) именно в статутном направлении, то есть предлагаются всему обществу ответы на вопросы: кто такой герой? кого следует считать героем? При этом, разрабатывая статут античного (именно античного!) героя – подчеркнем еще раз, что ни о какой сознательно поставленной и решаемой художественной и социокультурной, тем более научной задаче в данном случае и речи не может быть, – автор опирался на уже сложенные мифы, которые, по нашему убеждению, изначально и были призваны сформировать семантический статут героя и героического поведения. В этом и заключается важнейшая социокультурная функция мифа как произведения искусства и элемента культуры.

Авторы изданного в 1987 году в Лейпциге «Словаря античности» (рус. пер.: М., 1992) отмечают, что первоначально

герои появляются как персонажи древнегреческих мифов. Поступки, поведение, образ жизни мифических героев канонизируются и санкционируются как социальные эталоны. В этом процессе участвуют многообразные социально-психологические механизмы: контагиоз, увлечение, поощрение и т. д. Показательно, что образцы героического поведения со временем отделяются в общественном сознании от их субъектов и начинают жить самостоятельной жизнью, в частности, в общественной памяти. В связи с этим и можно говорить о семантическом статусе героя и героизма. Семантический статус – это суверенное бытие понятия, в нашем случае о героизме, героическом поведении, героическом поступке, утверждающегося в данной социокультурной системе.

Крупнейший отечественный исследователь античности Ф. Ф. Зелинский замечает, что на смену гомеровскому героическому эпосу, явившемуся поэтической обработкой раннегреческой мифологии, приходит дидактический эпос, имеющий сугубо практическую нравоучительную направленность. Спустя десятилетия дидактический эпос даст новый, ставший жить в веках, побег в виде элегической поэзии. В виде элегии написано надгробие фермопильских героев. Некто Каллин Эфесский своими элегиями вдохновляет сограждан на сопротивление надвигающимся полчищам варваров. Афинянин Тиртей в своих элегиях побуждает сограждан к самоотверженности и стойкости в мессинской войне. Еще позже знаменитый Солон Афинский воодушевляет сво-

ей элегической поэзией сограждан на бой с Мегарой из-за «желанного» Саламина.

Как утверждается, легитимируется семантический статут героя и героизма в культуре можно понять, рассматривая близкую нам и хорошо известную историю Советского Союза. С первых лет Советской власти газеты, а затем и художественная литература (позже к ним присоединяются кино, радио и телевидение) в соответствии с политикой, проводимой партией большевиков и правительством, делают своей главной темой героизм. Возьмем романистику. На страницах печатавшихся миллионными тиражами книг «Чапаев», «Как закалялась сталь», «Цемент», «Повесть о настоящем человеке», «Молодая гвардия» и многих других книг, обсуждавшихся на уроках в школах, получает совершенно четкие контуры статут героя нового типа – социалистического, советского. Как и полагается, этот статут имеет достаточно устойчивые параметры: альтруизм, нравственная чистота, физическая выносливость, любовь к труду, патриотизм, непримиримость к классовому врагу и агрессору, протест против социальной несправедливости, развитое чувство товарищества и коллективизма, интернационализм, сохраняющееся при любых обстоятельствах человеческое достоинство, мужество и выносливость в экстремальных ситуациях и т. д.

Историкам известны неоднократные попытки кодификации героических статутов. Например, известный деятель

польской культуры Адам Чарторыйский в 1774 году составил катехизис для шляхетской молодежи. В России в 70-е годы XIX столетия был создан «Катехизис революционера». Его автором стал Сергей Нечаев. В третьей программе коммунистической партии Советского Союза приводится Моральный Кодекс строителя коммунизма. В этом документе легко обнаруживается стремление канонизировать героический этос как элемент социалистической культуры. Безупречное выполнение всех требований названного кодекса автоматически обеспечивало социальный статус героической личности, о которой сообщалось в прессе, по радио, телевидению, на собраниях трудовых коллективов, на Досках почета, посредством разного рода наград и почетных званий. И здесь нельзя не обратить внимание на еще один весьма примечательный факт, отчетливо проявившийся в условиях социализма в нашей стране – факт законодательного закрепления статута и статуса героя, то есть героя не только *de facto*, но и *de jure*. Но об этом мы поговорим позднее. Сейчас же приведем несколько существенных уточнений.

Поскольку герой – это не столько личность, конкретная личность, сколько утвердившийся в данной социокультурной системе статус, и именно личностный статус в системной иерархической организации определенного общества, в реальной действительности нередко возникает достаточно острый вопрос об истинном соответствии одного другому. Это соответствие должно быть фактически установлено и со-

циально легитимировано. Иначе говоря, как реальная личность герой должен удовлетворять тому образу (стандарту) героя, который утвердился в общественном сознании в рамках данной культурной системы и временного лага. Героический статут и есть семантическое воплощение героического образа. И тут встает другой вопрос, не менее острый, о происхождении и социального статуса, и героического статута.

Собственно, а кто все это придумал? – спросит простой человек. И действительно, каковы основания, природные и социальные, непрямого занесения героев в верхние ярусы социальной системной иерархии, основания разделения всех людей на «верхи» и «низы», на «героев» и «простых смертных», если они есть? и есть ли они вообще? На этот вопрос ответим категорически: такова социальная организация, организация «сама по себе», то есть органично исторически сложившаяся и утвердившаяся в процессе естественной эволюции общества. И онтологическим основанием такой организации выступают различия и неравенство как всеобщие проявления мирового универсума.

В обществе в процессе тысячелетней эволюции одна из ячеек его системной организации получила обозначение «герой» (*Held, hero, heros* и т. д.) и обрела – так же вполне естественно, скажем, подобно языковой системе, – смысл, адекватный самой культуре в ее историческом изменении. Поскольку этот смысл легитимирован данным обществом в рамках его собственной культуры и переживаемой истори-

ческой эпохи, мы говорим о семантическом статусе героя. Герой – это индивид, поступки, действия, поведение которого соответствуют определенному образу в общественном сознании и хранящемуся в социальной памяти, образу, как мы уже выяснили, выполняющему, помимо прочего, эталонную функцию в социальной организации. Но мы выяснили и другое: стать героем, получить данное обозначение, обрести этот социальный статус в действительности можно только при условии общественного признания. И с этой стороны каждый реальный герой есть не только (и не столько) индивидуальное, сколько сугубо социальное «произведение». Можно сказать: во всем, что связано с феноменом героизма, обязательно и неустранимо присутствует и участвует общество, социум. Герой есть не только и не столько личностное качество, индивидуальное проявление, это, если можно так выразиться, весьма специфический социальный продукт.

В связи с этим возникают достаточно интересные в общетеоретическом плане вопросы диалектики нормы и отклонения. Безусловно, героический поступок, героическое поведение есть отклонение. Отклонение от обычного, рядового, повседневного, мирского, дольного. Но зачисление героя в верхние ярусы социальной иерархии как социальный процесс имеет свои социальные закономерности, тождественные нормоорганизации общества. Так, уже сам образ героя, закрепленный в общественном сознании, изначально нормооформлен. Сугубо нормативной является социальная

иерархия, в которой герой занимает свое определенное место (ячейку). Нормативный характер в каждой культурной системе имеет общественное отношение к герою, выражающееся в рангах, наградах, этосе (почитание, поклонение, культ и т. д.).

Напоминая еще раз, что герой есть личность исключительная, необычная, при всех условиях нерядовая, а героизм есть вид отклонения, отклоняющегося поведения, подчеркнем, что в данном случае мы имеем дело с отклонением положительным, позитивным. Героизм представляет собой во всех культурных системах вид отклонения, всячески возвеличиваемого, желательного в обществе, приветствуемого и высоко ценимого. И само причисление личности к «героям» есть акт социального признания обществом исключительности личности, а стало быть, отделения ее от остальной массы – простых, обычных и даже «низких» людей. Это утверждение дает нам определенные основания для того, чтобы предложить свою гипотезу происхождения иерархической организации человеческого общества. Иерархическая организация социума начинается с разделения всех людей на обычных, простых, рядовых, относимых к «низшему» ряду, и личностей выдающихся, необычных, сильных, отличающихся от всех остальных особыми качествами, как теперь выражаются, авторитетных, способных противостоять, обобщенно говоря, «злым» силам. Эти личности относятся к «высшим» рядам. Именно такими личностями являются герои,

обретающие, однако, в рамках каждой отдельной культуры, в границах каждого отдельного социума свой сокровенный смысл.

Четыре рода героизма. Героическая мифология. Типы мифологических героев

Исторический опыт позволяет нам выделить четыре рода героизма. Каждый род, в свою очередь, включает достаточно специфичные виды героизма.

Первый род образуют архетипические герои. Второй род объединяет мифологических героев. Третий род – это род реальных героев, живших и живущих в сменяющихся поколениях и проявляющих себя, заявляющих о себе, как принято говорить, *de facto*, а в ряде случаев, о чем мы уже упоминали, и *de jure*. О таких героях, дабы отличать их от предыдущих, есть смысл говорить как о мирских⁵. Четвертый род может быть и должен быть представлен как «квази». Он включает мифических героев и откровенных лжегероев. Более или менее подробное рассмотрение всех четырех названных родов героизма как социокультурного феномена составляет важную часть нашего исследования. И прежде всего мы обратимся, как того требует логика, к первому роду, наименее изученному и содержащему множество научных загадок.

⁵ Используя этот термин, мы следуем за М. Элиаде, различавшим два образа жизни человечества: «священный» и «мирской». См.: *Элиаде М.* Священное и мирское. – М., 1994.

Это род архетипических героев. Среди ученых, обративших внимание на этот род героев, необходимо указать К. Юнга, П. Радина, Дж. Хендерсона (Хендерсена). Архетипические герои – самые древние. Их формирование обусловлено действием бессознательных механизмов. И первое место в числе архетипических героев, бесспорно, занимает Трикстер, описанный в трудах П. Радина и К. Юнга. Вот как представляет Трикстера основоположник аналитической психологии К. Юнг: «Трикстер – предтеча Спасителя, и подобно последнему является Богом, человеком и животным в одном лице. Он – и нечеловек, и сверхчеловек, и животное, и божественное существо, главный и наиболее пугающий признак которого – его бессознательное. По этой причине его покидают товарищи (очевидно, люди), что, по-видимому, указывает на отставание его уровня сознания от их. Он настолько бессознателен по отношению к самому себе, что его тело не является единым целым; две его руки бьются одна с другой. Он отделяет от себя свой задний проход и поручает ему специальное задание. Даже его пол, несмотря на фаллические признаки, не определен: он может стать женщиной и выносить ребенка. Из своего пениса он создает всякого рода полезные растения, что указывает на его исконную сущность творца, так как мир создан из тела Бога.

С другой стороны, он во многих отношениях глупее животных и раз за разом попадает в дурацкие переделки. Хотя на самом деле он не злой, он совершает ужасающие же-

стокие поступки просто из-за бессознательности и покинутости. Его заточение в животном бессознательном подтверждается случаем, когда его голова застряла внутри черепа лося, а следующий эпизод показывает, как он вышел из этого положения – засунув голову сокола себе в прямую кишку. Правда, почти сразу после этого он возвращается в прежнее состояние, упав под лед; его раз за разом обманывают животные, но в конце ему удается провести коварного койота, и это возвращает ему свойство спасителя. Трикстер представляет собой первобытное „космическое“ существо, обладающее божественно-животной природой: с одной стороны, превосходящее человека своими сверхчеловеческими качествами, а с другой стороны – уступающее ему из-за своей неразумности и бессознательности. Он также не ровня животным ввиду своей чрезвычайной неуклюжести и отсутствия инстинктов. Эти недостатки свидетельствуют о его человеческой природе, которая не так хорошо приспособлена к окружающей среде, как животные, но взамен этого обладает перспективой значительно более высокого развития сознания благодаря огромной тяге к знаниям»⁶.

Исследования, проведенные П. Радиным, показали, что Трикстер был героем малоизвестного североамериканского племени индейцев виннебаго. Однако Юнг и другие ученые полагают, что, претерпевая различные трансформации, Трикстер как героический образ имеет повсеместное рас-

⁶ Юнг К. Г. Душа и миф. Шесть архетипов. – Киев; М., 1997. – С. 347–348.

пространение⁷.

Второй род связан с героической мифологией, весьма обстоятельно описанной в мировой и отечественной литературе, анализ которой позволил нам сделать ряд интересных выводов. Самые первые мифологические герои – это первопрядки, боги и полубоги. Их героический статус соотношен с функциями творения, созидания, одаривания, надделения, организации. Поэтому герои практически всех известных древних мифов добывают для людей жизненные блага (огонь, растения, орудия труда), упорядочивают времена года и погоду, помогают организовать человеческую жизнь и побеждают силы хаоса во всеобщем мироустройстве.

Обращает на себя внимание такой факт. Человеческая первоистория еще не накопила достаточного нравственно-го опыта⁸, поэтому мифологический герой, как утверждает Т. А. Апинян, в первую очередь должен был обладать ловкостью, храбростью, хитростью и прочими качествами, востребованными в жестоком первобытном мире. К таким качествам присовокупляется физическая сила, необходимая в мужском мире, где все проблемы разрешаются силовым способом. Именно поэтому мифологические герои демон-

⁷ См. подробнее: *Хендерсен Дж.* Древние мифы и современный человек // Человек и его символы. – СПб., 1996.

⁸ Альберт Швейцер в своей книге «Культура и этика» пишет: «Хаотическая картина откроется тому, кто вознамерится проследить путь этических исканий человечества. Этическое мышление прогрессировало необъяснимо медленно и неуверенно». *Швейцер А.* Благоговение перед жизнью. – М., 1992. – С. 101.

стрируют дикие, необузданные страсти. Но в последующем с развитием культур, мировых религий утверждаются, как пишет Апинян, «кардинальные типы» – храбрецов, защитников, богатырей, изгнанников, борющихся с судьбой.

Мифологические герои разделяются на типы:

- «человеческие» (например, Прометей или Гермес);
- «аморфные» (например, «дема» маринд-аним или «ку-ги» у папуасов Новой Гвинеи);
- «зооморфные», «орнитоморфные» и прочие «нечеловеческого вида»;
- «получеловеческие» с какими-либо деталями фантастических образов.

Т. А. Апинян предлагает объединить два последних типа и назвать их обобщенно «трансформером», которому присущи одновременно и человеческие, даже личностные, черты, и черты животных. Типичным примером здесь служат Пан и сатиры в древнегреческой мифологии⁹.

В целом для героической мифологии характерны легендарность, аллегоричность, те или иные мотивы аномалии (ненормальности, необычности, сверхъестественности), амбивалентность. Что же касается последней особенности, то советский исследователь А. Ф. Косарев пишет, что действия мифологического героя «уравновешиваются, как правило, противодействием его двойника-антипода (обычно близнеца-брата), который либо разрушает созданное его братом,

⁹ Апинян Т. А. Мифология: теория и событие. – СПб., 2005. – С. 111–117.

либо создает нечто прямо противоположное. Оба брата являются творцами, но один – творец всего положительно-го, созидательного (порядка, света, тепла, социальных норм, брачных правил, ценных пород животных и растений и т. п.), а другой – творец всего отрицательного, разрушительного (беспорядка, тьмы, холода, антисоциальных действий, кровосмешения, хищных животных и насекомых-паразитов). Таковы, в частности, меланезийские братья То Кабанана и То Карвуву. Первый создает равнинный рельеф и прибрежных жителей, красивых женщин, ценную рыбу, барабан для праздничных танцев, тогда как второй создает горы и овраги, враждебных горных жителей, развратных и безобразных женщин, акулу, пожирающую ценную рыбу, барабан для похорон. Имеет своего брата-антипода и Прометей – его зовут Эпиметей. Нередко антиподы-братья изображаются как старший и младший, умный и глупый, честный и плут, серьезный и озорник. При этом разрушительные действия младшего брата трактуются не как сознательно поставленная цель, а как результат его неумелости, глупости или озорства»¹⁰.

Итак, мы обозначили серьезнейшую проблему, которая стала предметом своеобразного осмысления уже древними народами, – проблему антигероя. Несколько позже мы посвятим этой проблеме специальный раздел. Пока же продол-

¹⁰ Косарев А. Философия мифа. Мифология и ее эвристическая значимость. – М., 2000. – С. 18, 19.

жим обсуждение уже начатой темы о четырех родах героизма. Третьим таким родом, как уже было сказано, служит фактический героизм, или род реальных героев. Рассмотрим его более подробно.

Реальные герои в эпоху цивилизации. Героизм и нравственность

Становление и дальнейшее развитие цивилизованных государств привело, помимо прочего, к появлению героизма, который мы связали выше с реальной феноменологией, или, другими словами, с действительным жизненным проявлением утвердившегося в повседневности статусного порядка и, соответственно, с образованием такой социальной структуры, в которой свое определенное место занял герой как *de facto – de jure*. Нельзя не заметить, что этот исторический факт, факт появления реальных героев, живых людей, действительно существующих личностей, которых отличают, как мы теперь знаем, особый социальный статус, социальная роль и семантический статут, оказался в мировой науке за границами внимания. Поэтому мы не только констатируем одновременность и ковариантность цивилизационного развития и рождение реального героизма как исторических процессов, но и намерены проследить их закономерности.

В самом деле, феномен героизма как реального социокультурного проявления, в котором находит выражение отклонение от привычного, рутинного, повседневного социального бытия-быта, отклонение от рядового стереотипного

поведения есть плод цивилизационного развития общества. Именно в эту историческую эпоху, эпоху цивилизации, появляются реальные личности, которых называют героями, что в действительности означает отнесение социумом отдельных индивидов и отдельных групп людей к определенному статусу системной организации данного общества. Именно в эту историческую эпоху формируются адекватные каждой конкретной культурной системе семантические статусы героев. Именно в эту историческую эпоху утверждаются адекватные каждой конкретной культурной системе героические типы, которые ниже станут предметом нашего более пристального внимания. Пока же сформулируем очень важный принцип всей феноменологии героизма – принцип соотносительности героизма и нравственности.

А. Шопенгауэр писал, что героев и святых порождает нравственность. Действительно, героизм – глубоко нравственное явление. Безнравственность и героизм несовместимы. Можно быть великой личностью, гением, но не быть героем. И демаркационная линия здесь – нравственность. Великий человек может быть безнравственным, герой – нет. Цезарь, Наполеон, Петр Первый, безусловно, великие деятели, но героями их не назовешь.

Многочисленные исторические исследования позволяют составить нравственный портрет русского царя Ивана IV. Насилие, убийства, казни, пьяные оргии, разврат, доходящий до скотоложества, – вот только некоторые моменты жиз-

ни и правления Ивана Грозного. Современный отечественный историк Р. Г. Скрынников в очерке «Иван Грозный»¹¹ приводит такой вполне рядовой пример. Стрелецкий командир Никита Голохвастов, известный своей отчаянной храбростью, вынужден был уйти в монастырь, чтобы избежать гнева царя. Но монашеская ряса не спасла стрельца. Грозный повелел привести его и пообещал, что поможет бравому иноку поскорее «улететь на небо». Голохвастова посадили в бочку с порохом и взорвали. Такой характер носили некоторые «героические» деяния первого русского царя. Основатель Российского государства, прославившийся историческими победами и политическими достижениями, вряд ли может быть причислен к сонму героев в истинном смысле этого слова и причина такой оценки – в его чудовищной безнравственности.

П. А. Сапронов в книге «Феномен героизма» (СПб., 1997) пишет, что герой – первый среди равных, героическое завоевывается человеком через битву, поединок с экзистенциально равными индивидами. Понятно, что эта борьба не допускает коварства, обмана, низменных, недостойных статуса подлинного героя средств. Герой не может опуститься в достижении героического до подлости, ловкачества, коварства, обмана, бесчестия, плутовства, двуличия. Напротив, борьба, которую он ведет, все его поступки должны *возвеличить* его, возвысить над омутом повседневности. И ничто

¹¹ Скрынников Р. Далекий век. – Лениздат, 1989.

не должно запятнать его подвига. Ничто не должно бросить тень на его имя. Всякое отступление от морали, уступка безнравственности снижают ценность поступка и в конце концов личности в целом. Поэтому первым критерием героического служит благотворность, благотворение, благодать, благо во имя общества, человека. Добронаправленность – суть подвига как формы человеческого поведения. Подвиг социально эвфункционален. Именно поэтому можно и нужно говорить о нем как о приносящем общественную пользу. И каким бы по содержанию ни был героический акт, в силу своего изначально положительного значения он представляет собой нравственную ценность. Кроме того, героизм служит в обществе средством, способом утверждения нравственности – это важнейшая социальная функция рассматриваемого феномена.

Наконец, подвиг, героизм – формы и способы нравственного самоутверждения личности. Ведь сущность нравственности – в ее противостоянии «злу» (безнравственности), противодействию и одолении экзистенциальной (социальной) деструкции. И герой – тот, кто борется и одолевает «зло» в самом широком спектре его проявлений и значений. Это могут быть и агрессия, и насилие, и экологические бедствия, и несчастный случай (пожар), и мифическая сила, и «грех» и т. д. Общий принцип, которым будем руководствоваться в дальнейших рассуждениях, гласит: понятие героизма при всех условиях включает в себе нравственный смысл.

Героический этос. Бунт как вызов «норме». Феномен антигероя

В 1944 году в гитлеровской Германии была издана книга, которая так и называлась «Героический этос» (*Heroisches Ethos*). Очевидно, нельзя не признать факта, что во многих культурных системах исторически формируется и утверждается этос, имеющий такое название. И даже не один этос, а несколько этосов. Причем вторая ситуация более типична. Так, в годы Гражданской войны в России одновременно существовали героические этосы, соответствующие «красной» и «белой», то есть пролетарской, рабоче-крестьянской трудовой и буржуазно-помещичьей эксплуататорской, этике, которая образовывала своеобразную идеологию этоса. П. А. Сапронов в упомянутой выше книге «Феномен героизма» писал, что до революции в России было несколько этосов: крестьянский (трудовой), дворянский и сакральный. Каждый этос имел соответствующую героическую направленность.

В средневековье героизм олицетворяло рыцарство. Э. Дешан, писатель XIV века, достаточно подробно воспроизводит требования к рыцарскому поведению. Вступивший в рыцарский орден должен был вести жизнь, отличную от всех остальных, а это значило регулярно молиться, избегать гре-

ха, высокомерия и низких поступков. Он должен был защищать церковь, вдов, сирот, всемерно заботиться о своих подданных, никого не лишать собственности, быть храбрым и воевать лишь за правое дело. В числе других (говоря вообще, весьма многочисленных) требований-императивов значатся: участие в путешествиях, сражения в турнирах в честь дамы сердца, избегание всего недостойного и соблюдение этикета. Кроме того, в обязанность рыцаря вменялись любовь к своему сюзерену и преданность ему. Рыцарь должен был быть всегда справедливым, щедрым, вращаться в обществе достойных и учиться у великих и храбрых военачальников.

Сражаться и любить! – вот главная заповедь (парадигма) рыцарского этоса. Славу рыцарю приносила не столько победа, сколько достойное поведение в бою. Героическая гибель в сражении – вот самое прекрасное завершение карьеры, о которой должен был мечтать каждый рыцарь. Немошная старость и естественная смерть – самая ужасная участь доблестного мужа. Использование слабости противника не приносило рыцарю славы, а убийство безоружного врага покрывало рыцаря позором.

В годы Великой Отечественной войны в нашей стране сформировался свой, советский, героический этос. Исследование его представляет насущную научную задачу. По личным наблюдениям автора, школьником пережившего блокаду Ленинграда и участвовавшего в обороне военно-морской крепости Кронштадт, этот этос имел выраженную специали-

зацию, то есть при общих чертах героического этоса советских людей героизм моряков, летчиков, артиллеристов, разведчиков, тружеников тыла имел специфику. Даже среди моряков особой лихостью, например, отличались «катерники», которые и форму-то носили с только им присущим шиком.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.